

Аля Мяун

НАЛОЖНИЦА

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М99

М99 **Мяун А.**
Наложница / Аля Мяун – М.: Литнет, 2026. – 134 с.

ISBN 978-5-521-94652-5

Я оказалась в Империи в теле некрасивой бесправной рабыни, которую принимают за мальчика. Как выжить в степи, среди суровых и жестоких воинов-кочевников?

И как вернуться к любимому? Он меня даже не узнает...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94652-5

© Литнет, 2026
© А. Мяун, 2026

Глава первая

Меня тащило и волокло. Тело соприкасалась с землей короткими вспышками боли. Чирк... чирк... чирк... Мимо пролетали серые стены домов, бегущие люди, конские ноги... И стоял нестерпимо громкий крик – вопли ужаса и боли, и рев... богундцев?

Кинуло на что-то мягкое, и движение прекратилось. Только голова кружилась, а глаза ничего не видели – лицо уткнулась в это мягкое, которое противно пахло и шевелилось. Полежав минуту, и немного придя в себя, я подняла голову, осмотрелась, и, с трудом, села.

Я находилась в куче орущих от ужаса людей – это на них меня кинули. И на эту вопящую массу несся огромный конь, с полуголым всадником, который тащил веревку, захлестнувшую человека, который, лежа, скользил по каменной мостовой – чирк, чирк, чирк...

Лошадь нас не раздавила – всадник дернул за поводья, конь отвернул, а в кучу упал человек, уже без веревки.

Боже! Надо немедленно возвращаться! Я попала в богундскую охоту на людей – они так рабов ловят. Но, покинуть Империю я могу, только умерев. Не самоубиваться же! Да и нечем.

Меня будто огнем жгло, и не удивительно! Руки и ноги покрыты ссадинами и синяками, одежда изорвана – будто мыши погрызли – и тело тоже изранено. Хорошо, хоть не сломано ничего – вроде бы – ведь тащили меня по камням и булыжникам.

Я осмотрелась. Место незнакомое, какой-то средневековый город, с узкой мощеной улочкой и каменными домами. Обычными, серыми. Люди, среди которых я сижу, одеты в бедные, грязные и рваные одежды, незнакомого мне покроя. Где же я оказалась? И кто я?

Осмотрела свое тело – худая женщина, с бледной кожей. Почему-то, в мужской одежде. Пощупала волосы, дернув прядку – рыжие, вьющи-

еся, но грязные и спутанные до такой степени, что превратились в войлок. Я бомжиха? Кошмар! Но вроде молодая, судя по фигуре и коже. Ладно! Прорвемся!

Между тем, охота закончилась. К нам подъехали несколько богундцев, и один стал орать, что бы поднялись, и построились. Но, похоже, кроме меня никто его не понимал – люди теснее сбивались в кучу, и не думали вставать. Дикарь разозлился, и принялся хлестал всех подряд, без разбору, кнутом. Рабы – а мы уже ими стали – огласили опустевшую улочку воплями боли.

Я знаю, что такое удар кнута, поэтому быстро вскочила и замерла – построилась. Но, на мое послушание не обратили внимания – кнут задел плечо, будто обжег.

Взвизгнув, я закричала по ассински, не уверенная, что рабы поймут:

– Встаньте истройтесь! Иначе, нас забьют!

Голос у меня был приятный – ну, хоть в этом повезло.

Может, и зря я вылезла – богундцы обратили на меня внимание, что не хорошо.

Люди поняли, хотя и не сразу – от испуга и шока они плохо соображали. Мне пришлось повторить, рабы начали вставать, и пристраиваться ко мне. При этом, выяснялась еще деталь – я была очень маленькая. Очень худенькая, и маленькая ростом, почти, как ребенок. Хотя, подростком точно не была.

Наконец, рабы построились, и их быстро связали, попарно, нога к ноге. А пары соединили другими веревками, образовав шеренгу.

Меня не связали.

– Пошли! – рявкнул богундец пленным, показывая кнутом, куда идти.

Я перевела, и повторила жест варвара, показывая направление.

Рабы тронулись шеренгой.

Талию захлестнула веревка, и меня опять потащили за лошадьё, на этот раз, не быстро, и я, торопливо, пошла следом за конем. Рабы тащились за нами.

Мы прошли по улице, свернули на другую. Это был город, обычный для империи, с одно-двухэтажными домами, стоящими напротив друг друга, теперь полуразрушенными. Вокруг все носило следы нападения богундцев – на мостовой валялись трупы, в основном, мужчин, а многие из поврежденных зданий горели. И тишина, только звякали, по камням, подковы коней, да шаркали ногами, охали и стонали, рабы. Тишина... Похоже, живых в городке не осталось. Или они спрятались, затаились.

Понятно, что это не Богунд – в степи нет городов. Наверное, мы в Ассине, потому что люди знают этот язык, хотя вопили и причитали они на незнакомом. Ассин – это хорошо, быстрее доберусь до столицы, когда сбегу.

Но! Если богундцы напали на один из городов империи – значит, между ними война? Боже! Что же случилось? И что с Дени?

И еще. Раз это не Богунд – нас туда, в степь, и поведут. А это ужас как далеко! И идти придется пешком!

Но оказалось, за городом степь, во все стороны. Может, и Богунд... Или граница с ним, там такие пейзажи. Нас ждал обоз, состоящий из вереницы повозок, наполненных каким-то барахлом, видимо, награбленным; и нескольких шеренг пленников, к которым наша и присоединилась. В основном, это были женщины и дети. И немного молодых мужчин, тех, кому повезло не быть убитыми сразу, и которые не оказали сопротивления. Стариков не было вообще – их не в плен не брали.

Меня развязали, просто дернув за веревку – такое я уже видела – и один из дикарей спросил:

– Знаешь богундский?

Я кивнула.

– Будешь переводить!

Варвар показал на одну из телег, где барахла было поменьше, и сидел возница, даже не связанный. Меня тоже не опутали, и я уселась на повозку.

Все же, знание богундского полезно – пешком топать не придется. И вообще, значит, я более ценная рабыня, чем другие, и меня будут беречь. По крайней мере, не забьют до смерти. Умирать я уже не хотела – сбегу, раз богундцы, так опрометчиво, не связали.

Обоз тронулся, повозки впереди, за ними рабы. Двигались неспешно, но пленники, все равно, отставали, и богундцы, следящие за порядком, разъезжая вдоль обоза, лупили отстающих кнутами, заставляя ускорить шаг.

Немного погода, мы разговорились с возницей. Его звали Кир, и он был лидиец. Находились мы в Лидии, провинции Ассина, которая подняла мятеж. Слава богам! Значит, Богунд не воюет с Империей, а подавляет бунт, действуя в интересах Ассина. Где именно находится эта Лидия, я не знала, и спросила Кира. Оказалось, это окраина империи, относительно недавно к ней присоединенная, и у здешних жителей свой язык. Хотя, и ассинский они понимали. Как меня зовут, я Киру не сказала, сделав вид, что не поняла вопроса. Потому что, не знала, и имя себе еще не придумала – не до этого. Главное, что меня волновало, и о чем я спросила возницу – кто сейчас правит в империи? Кир, видимо, решил, что я тронулась умом, от переживаний – находясь в Лидии, не знаю, что это, и не знаю, кто император. Он сочувственно посмотрел на меня, и ответил:

– Правит империей Даниэль Неотразимый! Уже три года, как. Уфф! Слава богам!

– Он женат? – продолжала спрашивать я, игнорируя его жалость. Тронулась так тронулась.

– Да-а! – кивнул возница – Жена его – императрица Элейн. И сын у них есть, наследный принц Александр. Ему недавно три года исполнилось!

Боже! Сын! Три годика! Возможно, это мой ребенок, а вовсе не Эль... Ведь я покинула Даниэля чуть больше трех лет назад...

Я расчувствовалась и прослезилась.

– И какой он, император? – продолжала спрашивать я, замирая

от любви и нежности к Даниэлю и нашему – возможно – с ним сыночку.

– Хороший! – помолчав ответил возница, и как я не пытала его, больше не сказал о Дени ни слова.

Сам Кир не был ни пленником, ни рабом – он предан Ассину, восстание не поддерживает, и служит богундцам.

Дальше мы ехали по бескрайней серой степи молча, занятые своими мыслями. О чем думал Кир – неизвестно, я же приуныла.

Дени женат, и, наверное, счастлив с Эль, которая является мамой маленького Александра – она его выносила, и родила. Я в эту картину не вписывалась... Разрушать семью последнее дело. Что ж об этом не подумала, когда рвалась обратно в Империю?

К вечеру однообразная голая степь сменилось редколесьем, и обоз выполз к небольшому озеру.

Богундцы объявили, что тут мы и заночуем, я перевела, и обессиленные люди попадали на землю. Их развязали. Как объяснил Кир, держать рабов в путах больше не имело смысла – все, кто сбегут, погибнут в безлюдной и безводной степи, по которой, к тому же, рыскают волки.

Люди кинулись – откуда силы взялись – к озеру, и припали к воде. Как животные на водопое... Пошла и я. Пить хотелось невероятно, но, была и еще цель – посмотреть на свое отражение. Ибо, лица рыжей девушки я так и не видела.

Утолив жажду, я дождалась, когда успокоиться водная гладь, и взглянула в зеркало воды.

Замерла, отшатнулась, посмотрела опять.

Села на землю, и завyla – от разочарования, и отчаяния. Мне нужно умереть! Немедленно!

Мое тело раньше принадлежало рыжей, необычайно некрасивой разбойнице, менерийке Лилян, или, как она себя называла, Ли.

Глава вторая

Я плакала, рыдала и скулила, пока не почуяла смешанный запах – лошадей, пота, кожи – и открыла глаза. Дежавю – возле моего лица ноги, одетые в меховые, похожие на унты, сапоги. Поднимаю глаза, и отшатываюсь – Астахан!

Я замолчала, обмирая от стыда и ужаса, из-за своей безобразности.

– Что ревешь, как баба? – спросил, по-ассински, и улыбаясь, хан.

Баба? Он думает, что я мальчик! Ну и ладно! Мужчинам можно быть некрасивыми!

Аста был он не один – с несколькими богундцами, держащими под уздцы коней. Видимо, правитель Богунда не хотел, чтобы знали, кто он – ничем не выделялся среди других. Все воины были огромны, одеты в кольчуги-безрукавки, и длинноволосы. Прически и показывали их знатность – у простых воинов, пленивших нас, волосы короткие. У Асты, конечно, грива длиннее остальных, и немного светлее. И кожа более белая – он же полукровка. А в остальном – одет просто, и украшения недорогие, обычные, как и у всей компании. И Аста улыбался! А это для сурового и свирепого богундского хана редкость! Даже я, любимая женщина Астахана, видела его улыбку только дважды. Впрочем, я вообще видела его раза четыре. Что не помешало нам, однажды, целоваться. Но, тогда я была красоткой блондинкой Эль. А теперь...

Богундцы повели коней в озеро, на водопой, не обратив внимания, что рядом пили люди. Более того, они стегали и разгоняли рабов, попадающих им на пути, и мешающих лошадям. Аста к озеру не пошел, продолжал стоять возле меня.

– Почему плачешь? – повторил он.

Станный вопрос! Меня, так-то, в рабство захватили! Плясать от радости, что ли?

– Что ревешь, говорю? – продолжал спрашивать хан – Или, ты баба?

Я, отрицательно, покачала головой – не женщина!

– У тебя мать погибла? Или любимая? – спросил Аста, нахмурясь.

Я опять хотела качнуть головой – моя мама жива, и Дени тоже. Дени...

– Моя любимая осталась в Ассине, в столице, и мы больше никогда не увидимся! – произнесла я, горестно вздохнув. И опять заскулила, даже не притворяясь.

– Мужчины не плачут! – произнес хан – Не ноют, что бы не случилось! Не позорься!

Я замолчала. Спорить с ханом, или не подчиняться ему, нельзя. Тем более, в Богунде. Тем более, с таким свирепым дикарем, как Аста. Отрубит голову одним ударом, даже не моргнет...

– Я собираюсь, в ближайшие дни, в Ассин! – сообщил правитель – Могу передать твоей невесте привет. Могу и ее в Богунд забрать! Что б ты не скучал!

И он рассмеялся. Да, шутка за двести – мою придуманную девушку Аста мог забрать, только как рабыню.

– Ваше Величество! – воскликнула я, бухаясь перед ханом на колени – Возьмите меня с собой!

– Как ты понял, кто я? – опять нахмурился Аста.

– По волосам! – быстро ответила я – У вас они самые длинные, из всех, кого я видел!

– Хм... Сколько тебе лет? – опять спросил хан.

– Двенадцать! – подумав, сказала я – именно на столько выглядела я в мужской одежде.

Аста молчал. Удивился, наверно, что у такого юного мальчика есть любимая. Хотя... В Богунде в четырнадцать лет можно жениться. Дикари...

А я, не смея поднимать глаз, затараторила, по богундски:

– Хочу быть вашим рабом! Я полезный! Знаю богундский

и... – больше полезного о себе я придумать не смогла – И... – вдруг вспомнила – Умею петь! И знаю степные песни!

Вспомнила, Ли хорошо пела. Завораживающе так...

Но Аста не ответил. Более того, когда я подняла голову, обнаружила, что он отошел, и уже садился на коня. Видимо, потерял ко мне интерес, и мою богундскую речь не слышал. Вообще, до меня только сейчас дошло – как так? Почему хан, славящийся злобным вспыльчивым нравом, и высокомерием, заговорил с ничтожным рабом? И во время разговора был весьма милым и добродушным? Может, не все правда, что о нем говорят? Жаль, что я не обращала на него особого внимания, когда мы встречались при дворе ассинского императора. И толком хана не узнала.

Вернулась к обозу, и уселась на телегу.

– Так как тебя зовут? – опять спросил Кир, который на водопой не ходил – у него была вода в бурдюке. Которой он со мной не поделился. Старый козел...

– Ли! – ответила я. Да, теперь знаю свое имя.

Между тем, рабам раздали еду. Ну, как раздали... Накидали в толпу куски засохших лепешек и вяленого мяса. И люди кинулись их поднимать, толкаясь, дерясь, вырывая провизию из рук друг друга, и затаптывая ее, в серую траву под ногами...

Богундцев, все это, очень веселило – они ржали как кони.

Мне тоже кинули кусок лепешки и мясо. У Кира еда была своя, и он опять жрал в одиночку, ни с кем не делясь.

Сами же богундцы, пока мы ходили на озеро, развели костер, и варили в больших котлах похлебку, аппетитный запах которой был мне знаком. Запах... Готовили они довольно далеко от телеги, но аромат я чувствовала. И вообще – нюх у Ли был, как у собаки. Интересно, все менерийцы такие, или это особенность рыжей разбойницы?

И, кстати. Как объяснил Кир, дрова для костра дикари возили с собой, в таких же повозках, как и наша.